

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ

Круглый стол кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ и журнала “Полис”

Публикуется в рамках предоставленного журналу “Полис” гранта РГНФ

От редакции. Круглый стол состоялся в рамках юбилейной конференции кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. В нем участвовали: руководитель круглого стола ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ (для связи shestop0505@rambler.ru); УИНТЕР Дэвид Гэрретт, профессор Мичиганского университета, США, почетный Президент Международного общества политических психологов (ISPP) (для связи dgwinter@umich.edu); ИРХИН Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (для связи irkhine@umail.ru); ЧИРИКОВА Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (для связи chirikova_a@mail.ru); ОВЧАРОВА Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент Саратовской государственной академии права (для связи ovcharovaO@yandex.ru); ПОПОНОВ Денис Вячеславович, кандидат политических наук, Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского (для связи poponovdv@mail.ru); СЕМЕНОВА Елена Сергеевна, кандидат политических наук, университет Йены (для связи ls-policy@mail.ru); КУЗНЕЦОВ Игорь Иванович, кандидат политических наук, доцент Саратовского государственного университета (для связи politbum@mail.ru); РОГОЗАРЬ-КОЛПАКОВА Ирина Ивановна, МГУ им. М.В.Ломоносова, соискатель (для связи intoit@mail.ru); СТРЕЛЕЦ Илья Эрнстович, МГУ им.М.В.Ломоносова, соискатель (для связи sagitil@mail.ru); ДОБРЫНИНА Екатерина Павловна, МГУ им.М.В.Ломоносова, соискатель (для связи ed2210@yandex.ru); ЛЮЛЬЧАК Екатерина Руслановна, МГУ им.М.В.Ломоносова, аспирант (для связи lyulchak@yandex.ru); ТРОФИМОВА Вера Владимировна, МГУ им.М.В.Ломоносова, аспирант (для связи tvega@mail.ru); ПИЩЕВА Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ (для связи pisheva@gmail.com).

Ключевые слова: лидерство, личность, политическая элита, человеческий капитал.

Проблема лидерства является одной из центральных в современной политической психологии. Этой теме посвящены многочисленные публикации, доклады на национальных и международных конгрессах, монографии и статьи. Но интерес к ней не иссякает, так как нет ничего более интересного как для широкой публики, так и для профессионалов, чем психологические, личностные особенности лидеров.

Открыл заседание доклад одного из классиков современной политической психологии, профессора Мичиганского университета Д.Уинтера. Его доклад был посвящен личности Президента США Барака Обамы. Перевод доклада мы предлагаем вниманию читателей журнала. Поэтому не будем излагать его содержание.

Ю.В.Ирхин в своем докладе “Анализ личностных особенностей современного эффективного политического лидерства (на примере президентских выборов в США)” представил развернутый анализ доминантных характеристик президента США Б.Обамы. Исследователь также провел сравнительный психологический анализ личностей кандидатов на президентский пост Б.Обамы и сенатора Дж.Маккейна.

Эффективное политическое лидерство, считает Ирхин, целесообразно рассматривать как комплексную проблему. Среди его “измерений” можно выделить лидерство психологическое, социальное, ресурсное, виртуальное, влияния политического образа и связанного с ним имиджа (бренда). Особое значение в проблеме эффективного политического лидерства играют структура образа политика и факторы, влияющие на его формирование.

Ирхин делает вывод: при анализе доминантных характеристик политического лидерства президента США Барака Обамы можно заключить, что он демонстрирует свою эффективность как политический лидер. Так, Обама ориентируется на систему демократических ценностей. Он имеет богатый политический опыт, хорошо знает США “снизу”, тонко чувствует расово-этнические проблемы. Обама блестяще использовал в своей кампании возможности Интернета (в частности, социальных сетей и интернет-мемов, так наз. вирусной рекламы и пр.), а также новые стратегии фандрейзинга: ставка на первый этап кампании, на “малых спонсоров”, на пожертвования на сайт кандидата.

Автором был проведен сравнительный психологический анализ личности кандидатов на пост президента США Дж.Маккейна и Б.Обамы. Мотивация власти является ведущей потребностью личности и у Обамы, и у Маккейна. У обоих она в два раза выше потребности в аффилиации и в четыре раза выше потребности в достижении. Мотивация власти у Обамы несколько выше, чем у Маккейна, но при этом значительно ниже, чем у Дж.Буша-мл. или Д.Чейни. Это значит, что Обама в меньшей степени, чем предыдущий, 43-й президент США, ориентируется на силовые решения в международных отношениях, но больше доверяет мнению независимых экспертов, чем лояльных ему “знакомых”.

У Маккейна более высокий уровень подозрительности, недоверия к людям и фактам и сложности переключения внимания. У Обамы по этим показателям самые низкие (лучшие) уровни среди всех шести политиков.

Предметом исследования Е.С.Семеновой “Личность и политическая система: сравнительный анализ Германии, России и США” стал сравнительный анализ личностей и политических карьер в политических системах Германии, России и США.

Опираясь на проведенное ею исследование, она делает вывод: позиции в политике и политические мандаты редко достаются тому, кто активно не старается этот самый мандат получить. Скорее достижение политических позиций является итогом борьбы между кандидатами, селектором и, в случае репрезентативной демократии, электоратом и тесно связано с проблемой профессионализации политики.

Для эмпирического исследования политических карьер Е.Семенова использовала агрегированные данные, полученные из биографий парламентариев трех национальных парламентов — немецкого Бундестага, американской Палаты представителей и Государственной Думы РФ.

В США политическая карьера четко структурирована и может быть охарактеризована как однолинейная. Американские карьеры являются, в первую очередь, законодательными карьерами. В целом, успешные политические карьеры в Америке характеризуются короткой карьерной лестницей, измеряемой числом занимаемых позиций (*career path*), и долгим сроком пребывания в Конгрессе. Карьерные паттерны в американской политике отличаются высокой степенью открытости как для профессиональных политиков, так и для политиков-любителей.

В Германии половина всех депутатов Бундестага — национального парламента — начинала свою политическую карьеру с позиций на локальном уровне. В отличие от США, лишь 18% депутатов имели опыт работы в региональных парламентах, кроме того, для 10% из них региональный парламент был второй ступенью их карьеры после позиции на локальном уровне. В сравнении с США и Россией, самой интересной чертой немецкой политической карьеры является аккумулятивное политическое позиционирование. Партии являются ключевыми акторами рекрутирования политического персонала в Германии и гарантом продвижения по карьерной лестнице.

В целом, в Германии существуют три параллельные карьерные лестницы — одна ведет в Европейский парламент, вторая — на федеральный и последняя — на региональный уровни. Карьерные паттерны в Германии изолированы друг от друга, что является интересным результатом федерализма в данной стране.

Наиболее трудно определить начало карьерной лестницы для российского политика. В целом, основная часть депутатов начинает свою карьеру на национальном уровне и приходит из неполитических сфер деятельности, как, например, бизнес и государственная служба. Покинув политику, они возвращаются в бизнес, либо переходят на государственную службу в исполнительную ветвь власти. В России смена политических позиций происходит медленно. При этом политические карьеры являются краткосрочными.

Мотивация большинства политиков в трех странах направлена на компенсацию неопределенности электорального поведения избирателей, а, следовательно, на стратегии, представляющие некое подобие прогнозируемости карьерных продвижений. В США непредсказуемость таких продвижений влияет на длительность депутатской карьеры, в то время как в России эта непредсказуемость приводит к тому, что позиция депутата воспринимается лишь как одна из возможностей и может быть заменена на другую политическую или неполитическую позицию. В Германии возможно комбинировать две роли одновременно — исполнительную и законодательную. Эти различия возможно объяснить с точки зрения доступности и „привлекательности“ политических позиций в данных странах. Так, в России с ее „суперпрезидентской“ структурой политической власти, „привлекательность“ исполнительной власти является более высокой, чем у законодательной.

В целом, институциональные рамки способствуют развитию определенных типов карьер в указанных политических системах, считает Семенова.

“Политико-психологический анализ образа бывшего премьер-министра Украины Юлии Тимошенко” представила в своем докладе Е.Р.Люльчак. В докладе были проанализированы биографические предпосылки формирования личности Ю.Тимошенко, которая с ранней юности испытывала потребность посто-

янно бороться за более высокий социальный статус. Жизненный путь Тимошенко демонстрирует, что она придерживалась не эволюционного, а революционного пути. Из-за отсутствия в детстве традиционной модели семьи у Тимошенко не сформирована патриархальная модель восприятия межличностных отношений, что выражается в отсутствии ощущения доминантности со стороны мужчины. Как следствие, даже свое окружение Тимошенко подбирает, исходя из принципа собственного майората.

Ведущей для Тимошенко является мотивация власти. Основные составляющие властного мотива, движущие Тимошенко, выражаются в стремлении удовлетворить потребность в доминировании, престиже, статусе. Однако, в отличие от многих политиков с компенсаторной природой мотивации власти, у Тимошенко налицо обратная тенденция — стремление подтвердить свою избранность и уникальность. Причем в данном случае мы наблюдаем так наз. агрессивный нарциссизм.

Кроме мотива власти еще одной движущей силой личности Тимошенко является мотив достижения, который указывает на некоторый субъективно понимаемый “стандарт превосходства” над другими людьми.

В когнитивной составляющей личности Тимошенко очевидно превалирование опыта над теорией. Мышление Тимошенко скорее тактическое, чем стратегическое. Суггестивный потенциал, способность к внушению, высокий вербальный интеллект позволяют ей создать образ открытого и честного политика, “народного трибуна”. Талант оратора — главный козырь Тимошенко в достижении поставленных целей и воздействии на противника.

Как считает Люльчак, поведение Тимошенко в ходе “оранжевой революции” показывает, что сочетание аналитичности, манипулятивности и высокого вербального интеллекта являются наиболее оптимальным набором в когнитивной подструктуре личности революционных лидеров. Однако невысокая способность стратегически мыслить делают Тимошенко менее успешной в долгосрочных политических проектах. Так, по окончании революционной ситуации и с переходом Тимошенко из разряда “борцов за свободу” в разряд “служителей государства” запрос на ораторские способности и быструю реакцию уступил потребности в стратегическом планировании, ориентации на перспективу и работу в команде. Доминирующие качества когнитивного профиля Тимошенко практически не отвечали этим требованиям, из-за чего работа в кабинете министров оказалась проваленной.

Несмотря на внешнюю эмоциональность и открытость, Тимошенко — интроверт. Ведущие тенденции эмоционального аспекта ее личности практически противоположны культивируемому Тимошенко образу. Излишняя эмоциональность, патетичность, напускная горячность и принципиальность Тимошенко — это всего лишь средства на пути к достижению целей. В действительности она является скрытной, критичной и конфликтной личностью. Она обладает жестким характером, недоверчива, склонна во всем сомневаться, индивидуалистка. Ведущими тенденциями поведения Тимошенко можно назвать активность, доминантность, целеустремленность, манипулятивность, энергичность, демонстративность и радикальность. Поведенческие стратегии Тимошенко крайне разноплановы и многогранны. Но ее внимание акцентировано на возможностях, а не на данно-

сти. Такая “завышенная планка” политического лидера губительна для государств, находящихся в кризисных ситуациях. Теория малых дел абсолютно не вписывается в ее представление о задачах политика. Отвергая принцип “лучше синица в руках, чем журавль в небе”, Тимошенко способна истощить и без того небогатые ресурсы Украины в погоне за сверхцелями.

О.Г.Овчарова свой доклад посвятила **“Гендерному измерению российского политического лидерства”**. Число женщин-политиков в России по-прежнему достаточно невелико, и их поведение во власти подчиняется ряду специфических неписаных законов.

Очевидно, считает Овчарова, что неравенство женщин во власти проецируется на их поведение. На протяжении долгого периода истории женщины оказывались исключенными из участия в общественной жизни, в том числе и политики. Кроме того, политика более чем какой-либо другой род общественной деятельности считалась и считается до сих пор элитарным занятием, куда амбиции женщин должны быть направлены в меньшей степени. Достаточно отчетливо гендерные предпочтения выражаются в ходе политической борьбы, а конкретно, в восприятии женщины-политика в предвыборной рекламе.

Женщин-политиков оценивают по двойным критериям: они обязаны быть политиками с традиционным, а значит — маскулинным набором качеств, и женщиной, которая обязана сохранять феминность. Следовательно, заключает Овчарова, женщине при продвижении во власть необходимо добиваться здорового баланса сочетания как “мужских”, так и “женских” качеств, демонстрируя электорату свои личностные особенности. Данный тип позиционирования называется “пульсирующим имиджем”.

57

Поэтому, даже в случаях уже “завоеванных” женщиной политического авторитета и доверия граждан, подчеркивание феминности образа становится необходимым. Стиль “феминного руководства” сыграл значительную роль в победе В.Матвиенко на “губернаторских” выборах 2003 г. в Санкт-Петербурге. Феминная направленность рекламы И.Хакамады на президентских выборах 2004 г. была усилена обращением к маскулинности избирателя: “Если ты настоящий мужчина, голосуй за женщину!”, аналогичные рекламные технологии традиционно используются и на Западе — например, когда во время выборов 1982 г. консультант Тэтчер ради смягчения ее суровой внешности уговорил ее высветлить волосы.

Вместе с тем, некоторые составляющие имиджа женщины-кандидата требуют приближенности к гендерному дисплею маскулинности. Среди них — голос (низкий голос способен создать имидж уверенного профессионала, высокий ассоциируется с истеричностью и раздражает), одежда женщины-кандидата (с одной стороны, она не должна выглядеть столь утонченно, как если бы нуждалась в защите, а с другой — обязана избегать излишне официального стиля. В данном контексте оптимален гардероб Матвиенко).

К ключевым ориентирам текста программы женщины-кандидата относятся направленность на ценности базовых и для кандидата, и для электората сегментов (обязательно обращение как к женской аудитории, так и к мужской) и обозначение достаточной компетентности в различных вопросах политики.

Как заключает Овчарова, залогом успеха политической рекламы в ее гендерном измерении становится демонстрация имиджа политика как соответ-

ствующего социокультурным нормам, определяющим гендерные архетипы. Вероятность изменения поведенческих стратегий женщин-лидеров, которые несут в себе очевидные психологические перегрузки, будет зависеть от ряда факторов: во-первых, от трансформации понимания гендерных отношений в сознании россиян (реализация возможна, но в долгосрочной перспективе). Во-вторых, от изменения смысла самого лидерства как формально бюрократического, обусловленного статусом занимаемой должности (наблюдающегося в настоящий момент), что практически снимает вопрос о необходимости проявления личностных качеств как у мужчин, так и женщин-политиков.

В докладе А.Е. Чириковой **“Региональная политическая элита: поведенческие стратегии и внутренняя мотивация деятельности”** был представлен анализ Я-концепции и особенностей внутренней мотивации женщин-лидеров в регионах РФ. Он основывался на материалах исследования региональных элит, проведенного автором в 10 российских регионах за последние 10 лет методом глубинных интервью (158 интервью с мужчинами и 65 интервью с женщинами-руководителями, занимающими высокие статусные позиции в структурах региональной власти, начиная с губернаторов и вице-губернаторов и заканчивая руководителями ведущих департаментов в региональных институтах исполнительной и законодательной власти).

Анализ интервью с руководителями-мужчинами, по мнению Чириковой, позволяет сделать принципиальный вывод: утилитарный подход к оценке действующих мотивов региональных элит, и в частности политико-административных элит, неправомерен.

58 Политические лидеры регионального уровня, не отвергая ценностей материального благополучия, более важным для себя считают: “видеть конкретные и ощутимые результаты своего труда”, “интерес к работе”. Фактически мотив “результативности труда”, выраженность которого стала особенно отчетливой в исследовании последних лет, доминирует и над мотивом престижа, и над мотивом “принести пользу людям”, хотя последний вербализуется в интервью довольно настойчиво.

Весьма парадоксальным является тот факт, что властные элиты столь же открыто заявляют о значимости “материальных факторов труда”, как и представители бизнеса. Важно, что частотность появления этого мотива несколько возросла в исследованиях 2008-2009 гг., по сравнению с исследованиями более ранними.

Если сравнивать особенности мотивации властной элиты и предпринимателей, то и у предпринимателей, и у представителей властной элиты доминирующими являются признаки высокой мотивации достижений. Карьерная мотивация, о которой особенно неприлично сознаваться в России, судя по материалам интервью, остается характерной для среднего уровня власти, однако “чистых карьеристов” в этой стране обнаружено не было. Профессиональный рост — и как самостоятельный мотив, и как мотив сохранения своей позиции — занимает лишь 7-9 позицию в общей иерархии мотивов более чем у половины опрошенных представителей властных элит.

Таким образом, в картине мотивационных устремлений лидеров исследователями явно недооценивается мотив материальных достижений, в то время как “карьерные” и “патерналистские” компоненты явно переоцениваются.

На примере мотива отношения к деньгам можно говорить о существенной трансформации ценностной сферы лидеров в сторону все большего нарастания индивидуальных ценностей, в противовес ценностям коллективным. Ранее процесс индивидуализации ценностей активно шел в предпринимательской элите, теперь он стал характерен и для политических лидеров.

Отличительной особенностью представлений политических лидеров о своей работе в будущем является то, что они, независимо от иерархического места в этой власти, испытывают тревожность относительно своего будущего и имеют достаточно разноречивые сценарии своих возможных шагов.

Лидеры-женщины в ходе исследования, как правило, говорили об отсутствии стремления сделать карьеру. При попытке описать свой собственный “мир внутренних побудителей” они опираются, прежде всего, на “мотивацию самореализации”. Второе — мотивация достижения, желание доказать себе, что все задуманное реализовалось. Третий мотив — интерес к работе. Четвертый, не менее важный мотив, — доказать первому лицу, что его выбор при назначении на руководящую должность был правильным. И лишь потом женщины упоминают о мотивах материального преуспевания и достижения высокого социального статуса. Но нельзя также исключить, что женщины не считают возможным обсуждать эти сюжеты в процессе интервью.

У женщин-лидеров креативность как ресурс повседневной управленческой деятельности выгодно противостоит рутинизации, которая нередко сопровождает работу в других сферах деятельности.

Анализ интервью позволяет заключить, что женщины, оценивая собственные мотивы попадания во власть, в первую очередь говорят о стремлении реализовать себя и ведущей роли профессионального интереса. Ориентированность женщин на результат, высокая мотивация достижений свидетельствуют о том, что женщина как руководитель на высоких постах во властной иерархии имеет все необходимые личностные ресурсы для достижения поставленных целей.

Ориентация женщин-руководителей на лидера подтверждает, что они являются системными игроками внутри управленческих команд, готовыми, несмотря ни на что, отстаивать внутригрупповые интересы.

Наиболее значимый разрыв характерен для экспертных оценок мотивации руководителей исполнительной власти или депутатов, пришедших из бизнеса, и собственных оценок женщин, работавших в бизнесе, а ныне занятых на руководящих постах во власти. В восприятии экспертов главный мотив этих политиков состоит в реализации партикулярных интересов. Картина мотивации самих этих женщин значимо отличается от экспертной: они настаивают на ведущей роли мотивации достижения и профессионального интереса даже в ущерб возможности заработать деньги.

В целом, можно говорить о некоем сложившемся внутреннем мотивационном балансе у женщин-руководителей, где ведущая роль самими женщинами отдается собственно профессиональным, а второстепенные позиции — инструментальным мотивам.

Отличительной чертой мотивации российских представителей власти (за исключением некоторых депутатов, представляющих демократическую волну конца 1980-х — начала 1990-х годов), является отсутствие в их структуре мо-

тивации собственно политической составляющей. Не менее тревожным является тот факт, что для многих политических лидеров власть превращается в бизнес, что не может не приводить к деформации мотивации, при которой материальный интерес остается самым важным. Исключение в этом ряду составляют женщины-руководители, которые опережают мужчин по выраженности мотива самореализации и интереса к работе, хотя и материальные мотивы им не чужды. Это означает, что дальнейшее развитие институтов региональной власти может и должно осуществляться с более широким привлечением женщин на руководящие должности во власти, которые позволят психологически оздоровить власть и дадут ей толчок для будущего “очищения”.

И.И.Кузнецов предложил доклад на тему: **“Институциональный подход к исследованию политического лидерства в современной России”**. Он рассмотрел взаимосвязь формальных рамок и неформальных практик в развитии института президентства в РФ.

Формальные условия развития института главы государства зафиксированы главным образом в Конституции России, а также в некоторых федеральных законах. Однако развитие института главы государства связано также со становлением целого ряда неформальных политических институтов и практик, которые также разделяются правящей элитой и серьезно дополняют существующие правовые механизмы. Причем в целом ряде случаев это дополнение может носить характер функционального замещения публичных властных институтов.

60 Среди таких неформальных политических институтов, усиливающих вес президента в системе принятия решений, Кузнецов выделил практику неформальных совещаний главы государства с руководством фракций Государственной Думы, появившуюся еще при первом российском президенте Б.Н.Ельцине (“правление четверки” и “круглые столы”) и существующую (хоть и в измененном виде) по сей день. Проследив историю подобных “круглых столов” в разные периоды новейшей истории РФ при президентах Ельцине, Путине и Медведеве, Кузнецов заключает: можно констатировать, что в данном случае мы наблюдаем становление конституционного “обычая”. При этом сам текст Конституции не претерпевает изменений и дополнений. Поскольку инициатором и модератором дискуссий на этих встречах является сам президент РФ, можно определенно отметить расширение его политических возможностей в управлении политическими процессами в государстве.

Докладчик особо остановился на анализе той политической роли, которую в настоящее время играет Администрация президента РФ с ее слабо определенным конституционным статусом при наличии серьезных ресурсных возможностей. Наиболее опасным и непредсказуемым для развития всей политической системы, по его мнению, является ситуация превращения АП в самодостаточный политический институт, приобретающий автономию от своего формального главы — президента и даже в чем-то контролирующей его деятельность, осуществляющий своеобразный надзор. Остается открытым важный вопрос о роли АП при ограниченной политической дееспособности президента РФ и о ее функциях при подборе “преемника”.

По мнению Кузнецова, сама подобная ситуация характерна не только для России. В результате на уровне принятия решений политическая система

функционирует не по принципам правового государства, а в рамках неформальных правил и институтов, противоречащих ей. Не случайно и появление определений демократии как “дефектной”, поскольку отдельные структуры политических элит взаимодействуют с отдельными частями общества через неформальные, но при этом весьма стабильные патрон-клиентелистские связи. В итоге конституционно предписанные механизмы представительства и процедуры взаимодействия ветвей власти выхолащиваются и частично либо временно утрачивают свою силу.

Д.В.Попонов в своем докладе “Понятие “человеческого капитала” применительно к российским политическим элитам”¹ провел анализ понятия человеческого капитала в контексте современной теории политических элит. Формирование, развитие и воспроизводство человеческого капитала в политической сфере — малоизученная, но актуальная проблема, позволяющая описать и объяснить сквозь призму человеческих способностей и возможностей многие политические процессы и явления.

Основы теории человеческого капитала были заложены во второй половине XX в. в работах американских экономистов, лауреатов Нобелевских премий по экономике 1979 и 1992 г. Т.Шульца и Г.Беккера. Человеческий капитал, утверждали они, формируется за счет инвестиций в человека, в качестве которых авторы теории рассматривают расходы на образование, здравоохранение, поиск информации, смену работы и другие затраты, способствующие физическому, профессиональному, культурному и интеллектуальному развитию личности.

В основе теории человеческого капитала лежит рациональная модель человеческого поведения, основанная на принципах максимизирующего поведения, рыночного равновесия и устойчивости вкусов и предпочтений. При этом подчеркивается, что использование человеческого капитала и получение доходов контролируется самим человеком, обусловлено его свободным волеизъявлением, индивидуальными интересами, предпочтениями, ценностями, мировоззрением и культурным уровнем.

Представители неоинституционального направления экономической мысли несколько корректируют модель поведения экономических агентов, подчеркивая его ограниченную рациональность. В частности, Г.Саймон отмечает, что “теория рационального поведения должна уделять особенностям поведения рационально действующих лиц (тому, как они справляются с неопределенностью и сложностью мыслительных процессов) не меньше внимания, чем объективным условиям окружающей среды, в которой принимаются решения”.

Методологическая ценность неоинституционального подхода с точки зрения данного исследования заключается в признании значимости поведения человека в функционировании различных коллективных общностей. Это позволяет объяснять направленность и динамику процессов, протекающих в их рамках, через анализ индивидуальных поведенческих стратегий, которые в свою очередь детерминированы формальными и неформальными институтами.

¹ Доклад основан на исследовании группой ученых под руководством Е.Б.Шестопаля “Человеческий капитал федеральных и региональных политических элит России”. Этот проект был поддержан РАПН и РГНФ. Грант РГНФ 10-03-00325а.

Центральным тезисом в работах М. Вебера была идея о множественности источников социальной иерархии, в качестве которых помимо экономического положения и власти рассматривался престиж. Этот критерий лежит в основе выделения так называемых “статусных групп”, образуемых людьми с одинаковым статусом. Как отмечает Б. Тернер, статусная группа — это сообщество индивидов, которые организовались для поддержания или расширения своих социальных привилегий посредством механизма социального закрытия с целью защитить существующие монопольные привилегии от посторонних. Главным механизмом защиты и воспроизводства привилегий выступает культурный капитал, определяемый как богатство в форме знания или идей, которое узаконивает обладание статусом и властью.

Концепция статусной группы позволяет существенно пересмотреть поведенческие стратегии человека в общественной системе, его способность самостоятельно на основе своих мотивов и интересов принимать решения по рациональному использованию и развитию заложенных в нем способностей и навыков.

Процессы воспроизводства статусных групп актуализируют еще одну форму капитала, также выступающего детерминантой поведения человека в обществе. Речь идет о социальном капитале. При определении этого феномена за основу можно взять подход Дж. Коулмана, представлявшего социальный капитал в качестве ресурсов, присущих социальным отношениям, в которые вовлечены индивиды. В интерпретации Коулмана, социальный капитал, воплощенный в отношениях между индивидами, выступает чисто функциональным понятием. Однако в рамках общностей существующие нормы и потоки информации могут быть использованы их членами в полном объеме для получения личных или групповых благ.

Экономическая наука при оценке человеческого капитала делает акцент на его ликвидности, т.е. способности прямо или косвенно, независимо от своих предметных форм, превращаться в денежную форму. Для элитологических исследований наибольшую значимость приобретает явление конвертации человеческого капитала, его способность постоянно менять собственную форму. Приоритетными направлениями конвертации человеческого капитала в рамках элитной структуры представляется его преобразование в социальный, административный и политический капитал. Исследовательский интерес представляет проблема структуры человеческого капитала.

Различные авторы предлагают свои типологии человеческого капитала. Так, И. Ильинский выделяет такие структурные компоненты человеческого капитала, как капитал здоровья, трудовой капитал, интеллектуальный, организационно-предпринимательский капитал и культурно-нравственный. Г. Бондаренко в качестве основных активов человеческого капитала рассматривает уровень образования, профессиональную подготовку, капитал здоровья, обладание экономически значимой информацией (информированность), мобильность работника.

В числе основных структурных элементов человеческого капитала политической элиты можно выделить: физический капитал (состояние здоровья, уровень работоспособности, физические и психологические каче-

ства); и культурный капитал (практическое знание, навыки социализации, ценности); образовательный капитал (профессиональные знания, умения, навыки).

Подобное структурирование человеческого капитала политической элиты дает возможность провести комплексный анализ личностных характеристик ее представителей. Его можно проводить на трех уровнях: эмоциональный уровень (настроения, уверенность); когнитивный уровень (навыки, знания, ценности); поведенческий уровень (мотивация, стиль межличностных отношений, стиль политического лидерства). Методологической основой такого комплексного многоуровневого анализа человеческого капитала политической элиты могут выступить различные качественные подходы и методы, в числе которых можно выделить биографический метод, дистантные методы, метод глубинного интервью.

Таким образом, теория человеческого капитала позволяет существенно расширить границы исследования политической элиты, предоставляя возможность анализировать не только текущее качественное состояние элитных групп, но и тенденции его изменения в перспективе.

Тема человеческого капитала получила развитие в докладе **В.В.Трофимовой** **“Основные каналы рекрутирования современной российской политической элиты”**. Материалом для анализа послужили биографические особенности действующих депутатов Государственной Думы, глав субъектов Российской Федерации, а также членов кабинета министров В.В.Путина. Главный интерес представлял профессиональный опыт членов элиты, предшествующий их парламентской, министерской или губернаторской деятельности, а именно профессия, которая стала определяющей в их жизни (не обязательно тот род деятельности, которым они занимались непосредственно перед приходом в парламент).

На сегодня основным каналом рекрутирования в федеральную законодательную власть является бизнес — именно в нем строила свою карьеру большая часть нынешних депутатов Государственной Думы. В то же время число представителей бизнеса в губернаторском корпусе минимально, а в правительстве бывшие бизнесмены и вовсе отсутствуют.

Трофимова делает вывод: есть несколько основных каналов рекрутирования современной российской политической элиты. Но при этом существуют различия в рекрутировании в разные ветви и эшелоны власти. В правительстве преобладают бывшие чиновники, силовики и профессионалы в различных областях. Среди губернаторов помимо этих типов встречаются также бывшие бизнесмены, главы государственных промышленных предприятий и партийные руководители советской эпохи. Депутатский корпус отличается большим числом каналов рекрутирования по сравнению с правительством и губернаторским корпусом: спорт, сцена, профсоюзные и общественные организации являются каналами рекрутирования именно в Государственную Думу.

Очевидно, что для назначения на пост министра или выдвижения кандидатуры губернатора предшествующий опыт работы в государственных структурах является ключевым. Поэтому в правительстве и среди губернаторов бывших чиновников подавляющее большинство. Бывших бизнесменов политические партии охотно включают в предвыборные списки потому, что они могут оказать финансовую поддержку в ходе предвыборной кампании,

а также обладают обширными связями. Активное включение силовиков в различные органы власти является вполне объективной закономерностью последних лет. Профессионалы в различных областях могут быть полезны для профильных министерств и комитетов Государственной Думы. Бывшие “партийцы” представлены, в основном, в Государственной Думе, во фракции КПРФ, что является вполне привычным. Для “Единой России” привлечение публичных персон и общественных деятелей позволяет расширить электорат партии, а также обеспечить представительство в Государственной Думе самых разных типов депутатов.

В рамках того же проекта “Человеческий капитал”, осуществляемого кафедрой психологи и социологии политики при поддержке РНГФ, **Ирина Рогозарь-Колпакова** в своем докладе “**Министр как политическая роль и влияние на нее личностного фактора**” исследовала личностно-ситуативные особенности правительства Владимира Путина, пытаясь определить сущность российского исполнительного лидерства через изучение его основных компонентов и анализ влияния личности министра на роль исполнительно-распорядительного характера.

Теоретической основой для исследования послужила “личностно-ситуативная теория”, в рамках которой политическое лидерство рассматривается как система взаимоотношений, таких компонентов лидерства, как черты и мотивы лидера, образ лидера и мотивы его последователей, характеристики его роли, а также “институциональный контекст” — те официальные и правовые параметры, в которых работает лидер.

64 Как заключает Рогозарь-Колпакова, рамки, внутри которых действуют министры, — это сложное переплетение взаимоотношений. Министры исполняют двойную политико-административную роль, подразделяемую на “подроли”, которые министры играют в правительстве (правительственная роль), в министерстве (министерская роль), в парламенте (парламентская роль) и на публике (общественная роль). То, как министры исполняют их, во многом зависит от их личностных особенностей и требует различных психологических качеств.

Для изучения личностного компонента исполнительного лидерства были выбраны политические ценности и убеждения, Я-концепция, мотивы, лидерский стиль и стиль межличностных отношений. *Система политических убеждений* исследовалась методом операционального кодирования, *система ценностей* исследовалась по методике ценностно-мировоззренческих дилемм (качественный контент-анализ), *мотивы* — методом Д.Уинтера. Для изучения *Я-концепции* использовался качественный контент-анализ и анализ биографий, *лидерского стиля* — наблюдение и политическая биография, *стиля межличностных отношений* — биография, наблюдение.

В соответствии с типологией Г.Ласвелла, современный министр — это “администратор”, которого отличают четкий системный подход, повышенная сосредоточенность на исполнении профессиональных обязанностей, решительность, активность и эмоциональная устойчивость.

Преобладание *мотива достижения* в структуре личности министра также свидетельствует о развитости его деловых и предпринимательских качеств и проявляется в установке высоких стандартов работы, в стремлении к дости-

жению уникальных и беспрецедентных результатов. Несмотря на достаточно сдержанный стиль, такие политики, способны на революционные действия, ради преодоления политического “болота” и достижения цели. Преобладание мотива достижения над мотивом власти позволяет также причислить политического лидера к хорошо известному типу “политика-предпринимателя”.

Вторым, наиболее выраженным мотивом является *мотив аффилиации*. Но если он уравновешен мотивом достижения или высокой экстраверсией, то такие политики ориентированы скорее на рациональное сотрудничество, поиск компромиссов и максимизацию общих результатов.

Стиль межличностных отношений большинства министров — “экстраверт с невысоким уровнем доминирования”. Я-концепция характеризует министров как “прагматиков” (высокая сложность Я-концепции и невысокая самооценка), которые прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи. Их также отличает повышенная чувствительность к социальным стимулам. Такие качества соответствуют требованиям роли министра в условиях социальной обусловленности.

Вышеперечисленные образцы поведения являются также следствием устоявшейся системы ценностей, сложившейся в том числе и в период политической социализации министров, а именно: патернализм, равенство, инновационность, почвенничество, сотрудничество, толерантность, конформизм, демократия.

В целом, вышеизложенный профиль характеризует министров, как акторов, способных изменять свое политическое поведение в зависимости от обстоятельств, готовых идти на уступки и искать взаимную выгоду в отношениях с партнерами ради последовательной и стабильной политики. Такой достаточно высокий уровень соответствия личностных и ролевых характеристик объясняет популярность большинства министров и в целом правительства.

Свои выводы Rogozar'-Kolpakova проиллюстрировала на конкретных примерах — в частности, результатами исследования личностей пяти министров правительства Путина: С.Лаврова, А.Фурсенко, Э.Набиуллиной, А.Кудрина и С.Шойгу. Анализ показал, что в процессе исполнения профессиональной роли, разные министры влияют на нее по-разному в силу своих индивидуальных, психологических характеристик. Однако, несмотря на то, что личностное влияние министров ограничено рамками институциональных и ситуационных факторов, налицо его возрастающее доминирующее положение.

Е.П.Добрынина в докладе “**Политико-психологический анализ региональной власти: личность и роль губернатора**” анализировала личность и роль руководителей российских регионов. Как отмечалось в докладе, фигура губернатора как регионального лидера и как части государственной системы в путинской, а впоследствии и в медведевской политической системе демонстрирует некую “двойственность”. С одной стороны, он — “винтик” в государственной машине, напрямую подчинен президенту и фактически назначается по его представлению. С другой — именно на губернаторе лежит ответственность за стабильность и развитие вверенного ему региона, он должен иметь достаточный авторитет в глазах населения и элитных групп субъекта федерации. Кроме того, на поведение губернатора в российских условиях влияют как ми-

нимум два блока факторов: особенности региональной политики в РФ (с ее экономически и административно неоднородными субъектами, “конфликтами интересов” центра и провинции и др.) и общие психологические закономерности поведения лидера в данных обстоятельствах. Личностные особенности при этом играют скорее второстепенную, чем ведущую роль, хоть и обуславливают различие тактических приемов при общей “стратегической линии” регионального лидера на эффективную работу.

Материалом для анализа стали выступления региональных лидеров на пресс-конференциях, где вопросы в свободной форме задают журналисты, а также их обращения к региональным парламентам. Все эти выступления не подвергались последующей редакции, что позволяло оценить непосредственные реакции губернаторов, выявить их индивидуальный стиль, манеру поведения, а также мотивы действий, выраженные в вербальной форме.

Анализ речей был также дополнен биографическим анализом на основе открытых данных о губернаторах, заключениями экспертов из регионов, статистическими данными и экспертными оценками роли и места данных регионов в политической и экономической жизни страны в целом. Для исследования были выбраны губернаторы, относящиеся к разным поколениям, имеющие явные личностные различия, однако вполне успешно встроившиеся в политическую систему и пользующиеся авторитетом: Александр Козлов (Орловская область), Никита Белых (Кировская область) и его предшественник на посту Николай Шаклеин, Виктор Кресс (Томская область), Илья Михальчук (Архангельская область), Евгений Савченко (Белгородская область), Александр Хлопонин (Красноярский край), Александр Хорошавин (Сахалинская область), Владимир Чуба (Ростовская область), Минтимер Шаймиев (Татарстан), Владимир Якушев (Тюменская область). Ряд из них уже успели покинуть свои посты и получить новые назначения.

Г.Лассвелл выделяет три типа лидеров: агитатор, администратор и теоретик. К первому из них, судя по текстам их публичных выступлений, в большей степени (хоть и с оговорками) относятся М.Шаймиев, А.Хлопонин, В.Чуб, Н.Белых и Е.Савченко. Тем не менее, эти лидеры вполне могут быть отнесены и к типу “администратора”, как подавляющее большинство исследованных региональных политиков. Чистыми “администраторами”, по Лассвеллу, можно считать В.Кресса, В.Якушева, И.Михальчука, А.Козлова.

Тип “теоретика” среди губернаторов практически не представлен. Однако ряд характерных для него черт демонстрируют М.Шаймиев, Н.Белых и А.Хлопонин. В основном это проявляется в стремлении обобщить и рефлексировать по поводу происходящих событий; выдвигать масштабные программы развития своих регионов, давать прогнозы на будущее и т.п.

По типологии Л.Этериджа подавляющее большинство губернаторов относятся к типу экстраверта с низким уровнем доминирования, когда они сознательно или подсознательно позиционируют себя как часть федеральной вертикали власти, и к типу экстраверта с высоким уровнем доминирования, когда адресат их высказываний — региональная аудитория.

Черты третьего типа (интроверт с высоким уровнем доминирования) отчасти проявляются у В.Кресса, И.Михальчука и А.Хорошавина. Четвертый тип (интроверт с низким уровнем доминирования) выявлен не был.

При анализе аффективного компонента личности и выявлении мотивов согласно теории мотивации Маклелланда и Аткинсона и по методике Д.Уинтера, у большинства губернаторов доминирующим явился мотив достижения. Вторым по значимости является во всех перечисленных случаях мотив аффилиации. Мотив власти в публичных выступлениях демонстрируют более-менее четко лишь В.Якушев, В.Чуб и Е.Савченко.

Анализ аффективного компонента личности (“Я-концепция”) в соответствии с типологией Р.Зиллера практически всех перечисленных губернаторов позволяет отнести к типу политика-прагматика, обладающего заниженной самооценкой и высокой сложностью Я-концепции. Черты аполитичного политика (высокая самооценка, высокая сложность Я-концепции) демонстрируют М.Шаймиев, А.Хлопонин, И. Михальчук, Н.Белых.

Третий, четвертый и пятый типы (идеолог, показательный политик, недетерминированный политик) в чистом виде среди исследуемых губернаторов не представлены. По всей видимости, политическая роль регионального лидера предполагает вербальное выражение в публичных выступлениях именно первых двух типов аффективного компонента личности.

При всей несхожести их личностных особенностей, биографических данных и региональных особенностей их субъектов Федерации, по всей видимости, имеет место общий стандарт поведения регионального лидера, установившийся в виде неписанного закона. Публичные выступления строятся по жесткой схеме, адекватной политической роли губернатора в его взаимоотношениях с центром и аудиторией на местах.

Таким образом, региональные лидеры демонстрируют многообразие личностных черт и поведенческих стилей. Однако структура их публичных выступлений всегда отвечает неписаным законам, соотносится с политическим контекстом современной России.

“Политико-психологический анализ личностей президентов РФ Б.Н.Ельцина, В.В.Путина и Д.А.Медведева” стал темой доклада И.Э.Стрельца. Основой для данного исследования послужили биографии трех президентов, контент-анализ их политической риторики, тексты публичных выступлений, мотивационные профили, Я-концепция и самооценка, операциональный код, стиль межличностных отношений, который они демонстрировали.

Данные, полученные в ходе исследования, показывают, что у *Бориса Ельцина* доминировал мотив власти при развитом мотиве аффилиации. Это сочетание обнаруживает эффективные отношения с прессой, стремление воздействовать на других, стремление к контролю над ситуацией вплоть до применения силы, легкую смену окружения при изменении приоритетов. Сосредоточив в своих руках максимальную власть, он при этом не ограничивал права сограждан и свободу СМИ, что объясняется именно мотивационным профилем, а не мировоззрением.

Опыт провинциального хозяйственника и регионального партийного руководителя не способствовал формированию сложной и многомерной Я-концепции. Президентство удовлетворило его амбиции, повысило самооценку, усложнило Я-концепцию. Операциональный код Ельцина сочетал ощущение им враждебности политического мира и оптимизм, низкий контроль над событиями, конкретные и глобальные цели, поэтому он провоци-

ровал острые политические ситуации, в которых чувствовал себя, как рыба в воде. В межличностных отношениях он был интровертом с высоким уровнем доминирования. Назначая кадры, он не заботился об их политической совместимости, не проводил четкие границы в полномочиях различных институтов. В целом это ослабляло центральную власть.

Владимир Путин после подтверждения президентских полномочий на выборах 2000 г. приступил к укреплению властной вертикали. Для мотивационного профиля Путина характерно устойчивое равновесие мотивов власти и достижения при высоком уровне мотива аффилиации, что определяет потребность в теплых межличностных отношениях, важность принадлежности к команде, заботу о собственном позитивном имидже, восприятие власти не как самоцели, а как средства. Как показало исследование, Путин обладает сложной и многомерной Я-концепцией, что связано с особенностями его биографии. За время работы в должности президента РФ его самооценка из заниженной стала адекватной благодаря успеху проводимой им политики. Операциональный код Путина характеризует его как волевого человека, который с оптимизмом смотрит в будущее, ставит глобальные цели, дружелюбно настроен по отношению к внешнему миру, не исключая при этом его враждебности. В партнерских отношениях он демонстрировал высокий уровень доминирования.

Путин — представитель среднего поколения, пережившего смену нескольких эпох, умеющего приспосабливаться к обстоятельствам, постоянно обучаться новому.

Дмитрий Медведев стал первым в истории России главой государства, который получил конституционные полномочия в установленный законом срок от действующего руководителя к избранному. Мотив достижения в сочетании с мотивом власти у Медведева значительно развит, при этом аффилиация заметно снижена. Подобный мотивационный профиль характерен для топ-менеджеров чаще, чем для политиков.

Согласно результатам исследования, нынешний президент РФ обладает высокой самооценкой, основанной на стабильных внутренних стандартах. Гармоничное детство, академическое образование, профессиональный и научный опыт сформировал сложную и многомерную Я-концепцию. Поэтому он взвешенно реагирует на чужую точку зрения, корректирует свою позицию с учетом ситуации, стремится получать разнообразную информацию от экспертов перед принятием важных политических решений. Операциональный код нынешнего президента РФ характеризуется балансом враждебности и дружелюбности политического мира, реалистичностью, сдержанным оптимизмом, уверенностью в контроле над происходящим, настроен на глобальные и долгосрочные цели. В межличностных отношениях он проявляет себя как экстраверт с высоким уровнем доминирования. Несмотря на мировой кризис, внешнеполитические вызовы, террористические угрозы Медведев противостоит деструктивным ситуациям, утверждаясь в общественном мнении.

Таким образом, политико-психологический анализ подтверждает гипотезу о том, что особенности личности каждого президента в значительной степени влияют на исполнение им роли главы государства, заключил Стрелец.

Круглый стол подготовлен к печати Е.П.Добрыниной